Судьбоносный скачок: Активация всей спирали, чтобы изменить мир — Дон Бек

Берт Парли: Я очень рад возможности вести этот диалог с Доном Беком. При разговоре на темы, затрагиваемые на конференции «Просветление», Дон может многое рассказать о природе судьбоносного скачка в огромное измерение того, что просветление может значить для людей, культур и обществ — в особенности находящегося в процессе возникновения современного глобального общества, который мы сегодня выстраиваем. Сегодня мы проведём дискуссию на некоторые из этих тем.

Дон Бек: Спасибо, Берт. Всегда рад возможности побеседовать с тобой.

Берт: Это взаимно. Мне очень нравится, что у тебя очень широкий диапазон интересов. У нас были беседы на самые разные темы, от локальных до геополитических или мировых процессов, спорта и науки, а также всего остального. Я знаю, что один из твоих интересов лежит к мировой политической сцене, а также к процессам на национальном и местном уровнях. И политическая арена является одним из основных компонентов, из которых выстраивается это просветлённое общество. Ты страстно интересуешься надвигающейся в США предвыборной кампанией, что определённо представляет интерес для твоих американских слушателей, а поскольку Америка играет существенную роль в мире — и интересы проживающих в других странах.

В свете этого судьбоносного скачка и изменений в мире, каким образом ты смотришь на разные участвующие стороны, с точки зрения их соревнования друг с другом в разворачивающемся ныне предвыборном цикле? И как это соотносится с твоей моделью, когда ты рассматриваешь предвыборную кампанию с точки зрения всей спирали?

Дон: Много-много лунных циклов тому назад я защитил свою диссертацию в Оклахомском университете по теме выборов Абрахама Линкольна 1860-го года. Именно тогда я начал сонастраиваться с темой расовой поляризации и того, как кампания ускорила разрыв между Севером и Югом, а также концепции Союза, должен ли он быть контрактным или компактным. По мере того, как продолжалась кампания, группы всё более разобщались, пока не дошли до точки полного расхождения. В этот момент исчезла возможность для компромисса, так как обе стороны утверждали, что у них Истина. Затем они начали абстрагировать свои доводы во имя Господа, так что интересно было за этим наблюдать. Именно поэтому, когда я наблюдаю за сегодняшней кампанией, я несколько озабочен, что в ней начинают проскальзывать некоторые черты, аналогичные данной поляризации. И ведь тогда люди не смотрели круглосуточные новости и не имели технологии, мгновенно доставляющей сообщения, зато имели много времени, чтобы подумать прежде, чем действовать.

Я сегодня обеспокоен тем, что выглядит как разделение на две доминирующие структуры мышления. Быть может, и в этой группе [конференции «Просветление»], которая более симпатизирует прогрессивным элементам демократической партии, некоторые признают, что есть и другая точка зрения — более традиционно настроенная, представленная республиканцами. Сегодня мы видим, что разрыв между двумя партиями увеличивается. Интегральный отклик — именно его мы здесь обсудим — должен рассмотреть этот разрыв. Нам нужно выйти из этого периода — кто бы ни выиграл — с новым пониманием динамики, увидеть, что начинает возникать и третий путь. А если так, то каков он? В течение многих лет я видел это и знал, и мои наблюдения начались в 1948 году, во время компании Трумана против Дьюи (теперь понимаете, какой я старый). С тех пор я изучал каждую кампанию.

Обычно прогрессивный элемент, который мы называем «здоровым зелёным» (если воспользоваться языком спиральной динамики), в своей программе опирается на формулу перераспределения средств, равноправие и справедливость для всех и сонастроен с сильной красной эгоцентрической системой, представляющих [с точки зрения зелёного] «жертв». Так что мы получаем спасителей и жертв, что, в общем, и составляет суть Демократической партии, причём так называемые меньшинства, проходящие через эгоцентрическую красную систему, во многих случаях переходят в абсолютистскую [синюю] структуру сознания.

Обычно республиканцы склонны к акцентированному синему с оранжевым, они ценят систему свободного рынка. Поэтому настоящее столкновение, с точки зрения того, что мы думаем о системах ценностей, происходит между зелёным/красным и синим/оранжевым. Именно здесь пример проявления динамики домодерна, модерна и постмодерна. Вопрос в том, можно ли навести мосты? Если да, то как? В следующем году Конгресс снова собирается. Неважно, кто контролирует различные ветви Конгресса или Белого дома, что они могут сделать, чтобы принести здравомыслие в едкую и язвительную среду, характерную для данных выборов? А ведь всё может стать ещё хуже.

Наша стратегия состоит в том, чтобы разработать «охлаждающую» точку зрения: нужно предостеречь американцев против излишнего радикализма. Именно поэтому мы с тревогой наблюдаем развитие событий вокруг «Chick-fil-A» [декларативного произношения корпораций антигейской политики]. Ведь если мы продолжим выливать друг на друга кислоту, мы углубим разрыв между различными группами, неважно, какова их суть. И это лишь подбросит топливо в огонь радикальной поляризации. Те, кто изучал эффект ассимиляции — контраста, основывающийся на трудах Музарефа Шерифа, понимают, что радикально крайние позиции неспособны видеть градации или спектр точек зрения даже на своей стороны: «ты либо за нас, либо против нас». Так что более крайние правые считали президента Билла Клинтона коммунистом, а крайние левые считали Джорджа Буша фашистом. Это значит, что в этой крайности [проявляющейся на обеих сторонах] исчезает и подрывается диапазон срединных [перспектив]. Именно поэтому всё начинает напоминать противостояние суннитов и шиитов в Ираке. Как правило, всё напоминает события священной войны, которая может привести людей к неизъяснимым жестокостям, совершение которых со своей стороны мы ранее считали невозможным.

Я поддерживаю связь с Национальной лигой [американского] футбола, потому что [если обратиться к аналогии], Север на самом деле победил в Гражданской войне, но Юг победил в Реконструкции. Такие компоненты, как Национальная лига футбола представляет собой одну из немногих структур, которые соединяют практически всех, кто любит спорт. Нередко стадионы НФЛ похожи на церкви и соборы по воскресеньям. Коль скоро НФЛ так возвысила чёрных, это становится чудесным постепенно развивающимся феноменом, который следует более высокой цели воссоединения американцев. Людям, живущим в других странах, это может показаться странным, но дела обстоят так.

В Южной Африке, работая с Манделой (как в фильме «Непобедимый» [«Invictus»]), мы обнаружили, что Манделе нужна была эйфория построения национального самосознания, и в Кубке мира по рэгби 1995 мы использовали для этой цели «спрингбоков» [южноафриканскую сборную по регби]. Здесь сходный принцип. Так что в ходе данной кампании мы пытаемся смягчить полярности. Мы уверены, что если нам это удастся, то по завершении выборов, когда мы узнаем, кто выиграл, мы сможем выстроить в этой стране управляемую систему, в которой присутствовало бы меньше токсичности, по-видимому, характеризующей текущий процесс. Таковы надежды! Наверное, можно назвать это «третьим путём»… мне кажется, нужно придти к какому-то новому языку описания.

Как можно рассмотреть использование интегральной спиральной динамики в формировании новых политико-экономических систем? Это вопрос, имеющий важнейшее значение для нас. На мой взгляд, мы сделали несколько открытий в отношении этого процесса, которые будут очень полезны.

Сейчас трудные времена, так что безопаснее всего в любой кризис придерживаться ясных истин и наших способностей проницательно смотреть сквозь туман идеологий и политики. Это сутевое. Именно поэтому нам нужны люди, отождествляющие себя с интегральным движением, которое включает домодерн, модерн и постмодерн, а затем и интегральное мышление, которое понимает природу потока людей в этих областях. Ведь миллионы, если не миллиарды, людей на планете движутся сейчас от домодернистского к модернистскому мышлению, подобно большинству представителей арабского мира, а затем и к постмодернистскому. Но, понимаете, у них нет ни малейшего понятия, что же значит постмодерн, не говоря уж об интегральном.

Таким образом, наша задача, если мы с ней согласны, состоит в том, чтобы начать распространять вводные сведения о принципах развития убеждений и бесед, этой новой модели, которая, по моему мнению, была разработана тогда, когда нужно, — и это исторический паттерн: «Придёт время, придёт и мышление».

Моё предпочтение — работа с Клэром Грейвзом, который был первым, насколько мне известно, кто по-настоящему начал формулировать идею судьбоносного прорыва. И это было ещё в начале 1970-х, до того, как другие это увидели. Однажды он со мной поделился тем, что вполне вероятен и тот вариант, когда мы пойдём под откос. Так что к тому времени, как седьмой [жёлтый/интегральный] код — системный, подлинный, экологичный — созреет, всё мировое население будет поделено на две половины. Он сказал, что к тому времени, как начнёт возникать восьмой код [бирюзовый], вероятно, он ещё раз будет разделён надвое. Это меня до смерти испугала, настолько страшной была эта мысль! Он был первым из тех, кто мне был известен, где-либо вообще, кто начал говорить об этих вещах. Его они глубоко заботили.

Джон Кэлхун исследовал популяции серых крыс: как она росла и сокращалась, приумножалась и сжималась. Понятно, всё это крысы, но он также видел научные данные в пользу того, что в его время код пятого уровня [оранжевый], который производил новые проблемы на месте решённых старых. Он начал отслеживать эволюцию этих систем. За 35 лет мы развили его исследовательский проект, даже включив профили корреляции разума и мозга, используя немецкие технологии фМРТ, так что мы обнаружили данные, подтверждающие справедливость биопсихосоциального подхода, который Грейвз предлагал в своей модели [которая впоследствии стала спиральной динамикой].

Так что вот где мы сегодня с точки зрения моего видения. У нас есть мощный инструмент. Нам нужно понимать за пределами упрощённых цветов и так далее глубинное знание интеллектов, лежащих в основании спирали; мы называем это «путешествием в поисках мастер-кода», который можно положить на наши политические системы — с аналогичными ситуациями в европейских странах. Например, сегодня Нидерланды в ловушке между центристски-правыми и центристски-левыми колебаниями маятника и так далее. Очень сложно найти срединную позицию, ведь по факту она отсутствует. Требуется совершенно иная система координат мышления относительно того, как человеческая природа возникает в системных процессах, вместо того, чтобы подходить к проблемы, опираясь на ту или иную идеологию, неважно левую или правую. Нужен сдвиг в направлении очень практического понимания того, как развивается человеческая природа и как целое общество может быть сосредоточено на этом процессе в противовес простому повторению прописных истин различных идеологий или попытки получить преимущество в политической шахматной игре различных политиков, занимающих эти области.

Это очень долгая история, но она действительно иллюстрирует то, что мы на самом деле пытаемся сегодня совершить, посреди того кризиса, в котором мы себя обнаруживаем.

Берт: Одна из тех вещей, которые ты упомянул, Дон — мне понравилась фраза, которую ты использовал рефреном в своей речи: «в кризисе наиболее безопасное место — это ясные истины». В контексте политики в большинстве мест, как я обнаружил, даже те из нас, кто придерживается интегральных воззрений, многие из этих людей наслаждаются выслушиванием резких голосов, представляющих обе стороны политического спора. По всей видимости, есть нечто в нас, в терминах наших кодов, простирающихся по всему спектру, есть некоторые пурпурно-красные элементы, которые, похоже, наслаждаются резкими высказываниями. Если бы мы и в самом деле были заинтересованы в примирительном разговоре, мы бы не сонастраивались с некоторыми из радикальных точек зрения. Меня интригует то, как мы вечно ищем врага (если говорить в терминах нашей теневой стороны). А в зеркале — вот и мы. Всё ещё многие из нас есть, кто теневым образом действует и поступает так [ищет врага].

Я хотел коснуться того, что вы говорили о некоторых из идей Клэра Грейвза о высшем «я». Когда мы рассматриваем биопсихосоциальные эмерджeнты на планете в целом, то, что просветлённое [просвещённое] общество включает, это трансдисциплинарные измерения новых эмерджентно возникающих форм мышления. Например, выражающегося в некоторых особенностях того, как ты продолжил развивать труд Клэра Грейвза в спиральную динамику, опираясь на это основание; как ты очень многое перенял от интегральных принципов; также один из любимых нами обоими людей, Говард Блум, вполне определённо вошёл бы в резонанс с некоторыми из вещей, которые говорил Клэр Грейвз.

Если мы рассмотрим свои отождествления с позицией просветления, она, в конце концов, не особенно озабочена даже нашим индивидуальным бессмертием, в смысле того, кем мы, будучи людьми, являемся, даже будучи культурой во времени. Всё это будет подчинено более масштабным жизненным силам, которые возникают, так что есть, как ты говоришь, некоторого рода приумножение и сокращение, исследование и консолидация.

То, как ты видишь эти более крупномасштабные силы, оживляющие всю спираль эволюции, или комплексное адаптивное мышление… Что будет требоваться от нас в возникающей всемирной культуре, чтобы совершить этот судьбоносный прорыв в структуру глобального управления и большей согласованности? Если такие люди, как Грейвз и Говард Блум говорят о том, что ценой за некоторые из этих адаптаций будет некоторое необходимое отсечение лишнего, как ты видишь этот предмет, как мы можем наилучшим и просветлённым образом адаптироваться к некоторым сдвигам, которые, возможно, будут происходить?

Дон: Ты слышал мои выступления о важности мониторов витальных признаков. Нам нужны глобальные карты. Впервые в истории увидеть подноготную. Я работал с фондом «Memnosyne Foundation» в здесь, в Далласе . . . Они планируют профинансировать крупный проект по созданию монитора витальных признаков в Далласе. Мы можем использовать эту чудесную технологию — дата-майнинг, поисковые роботы и другие технологии, — чтобы наконец-то начать видеть паттерны [в глобальных картах].

Это значит нам предстоит уважать все коды первого порядка: племена, империи, священные ордена [а также предприятия и общины]. Если наша теология или системы убеждения отрицают идею вертикальности, тогда мы не сможем действовать таким образом, чтобы способствовать продвижению миллиардов людей через эти коды.

Именно поэтому мы наблюдаем Арабскую весну в Сирии и прочие проблемы: мы не поняли этого вовремя, а также не увидели этого в Ираке. Мы считали, что мы можем односторонне заставить людей принять [синюю — оранжевую — зелёную] систему развитых стран, словно бы они с радостью построят рестораны «Макдоналдс» и установят систему «один человек — один голос» в своих странах. На самом деле, Ирак преимущественно пурпурно-красный, равно как и Палестина.

Так что первым делом нам необходимо понять реалии, связанные с тем, что люди пребывают на разных уровнях биопсихосоциальносистемного развития. Это факт. Когда мы задаёмся вопросом: «Почему?» — нам нужно посмотреть на жизненные условия, которые их поддерживают. Мы должны посмотреть на коды приоритетов, которые возникают [в ответ на эти жизненные условия]. Они имеют биопсихосоциальную природу, что означает, что новое направление генетического исследования становится очень интересно для нас. А затем, наконец, добавить сюда убеждения и поведения, у нас есть три линзы, через которые можно смотреть [1. Жизненные условия. 2. Коды приоритетов. 3. Убеждения и поведения.] Мы должны иметь глаза, чтобы видеть, а уши, чтобы слышать эти различия и уважать их. Люди имеют право быть самими собой.

Все системы ценностей связаны с жизненными условиями. Именно жизненные условия стимулируют мозг, чтобы он генерировал мировоззрение. Это точка зрения Грейвза. Но они взаимосвязаны. Именно поэтому, как я раньше упомянул, более традиционные [синие] системы, представленные в американской конституции и законодательной базе, играют жизненно важное значение для того, чтобы отфильтровать преимущественно красных [эгоцентрических] варваров. Если у нас нет этого фильтра в форме наших синих систем — в школах, в церквях, в сообществах — мы будем постоянно производить детей и взрослых, у которых нет целей, у которых нет предназначения и смысла в жизни, которые не уважают права других. Итак, если убрать этот [синий] фильтр, тогда вы получите прямой выход из красного в зелёное. Это испортит его, ведь такие лица будут безответственны, они корыстно воспользуются красотой, мягкостью и чувствительностью зелёного, что я наблюдал многократно. Именно поэтому важно наблюдать, как легко возникают системы в связи с системами ценностей — видеть всю карту в действии. Ибо если мы будем выбирать только те ценности, которые нам нравятся, а затем атаковать те, которые не нравятся, мы будем способствовать расширению бездны.

Есть и другие модели, которые, конечно же, можно использовать. [Спиральная динамика полезна] тем, что она может высветить то, как различные системы ценностей оперируют на глубинном уровне. И тогда можно говорить о стратифицированной демократии, как в Египте. Судя по всему, нас пригласили в Египет, чтобы, как мы надеемся, встретиться с президентом. Избавиться от того, что вам не нравится — притеснение, диктаторы и расизм, — не то же самое, что получить то, что хотите. Мы до сих пор были неспособны помочь странам — Сирия текущий пример, — когда те избавляются от диктаторской, агрессивной, притесняющей системы: опасения состоят в том, что взамен ей придут элементы выступающих против Америки, против цивилизации, движений а-ля Алькаида, которые воспользуются удобной возможностью.

Именно поэтому до тех пор, пока у нас не будет в распоряжении полная модель трансформации, мы рискуем придти к тому, что будет хуже, нежели имеющееся сегодня. Поэтому подобное картирование — мониторы витальных признаков, которые выстраивают профиль целых обществ, как было сделано Бьярни Йонссоном в Исландии, а иными группами в других культурах. До тех пор, пока мы не можем посмотреть сквозь призму этой линзы, мы будем находить себя в трудном положении. Одна из знаменитых вещей, о которых говорил Кен, это идея «превосхождения и включения». Я добавил к этому: «превосхождение и предусмотрение того, что будет дальше».

Если мы собираемся быть всемирными гражданами, нам нужно иметь мироцентрическое сознание, каким бы термином вы его ни обозначали. Нам нужно развить в себе способность видеть целое. Мы этого ещё не сделали. Так что многие из нас всё ещё оперируют в рамках этих первопорядковых систем. Даже оранжевая материалистическая система или зелёная гуманистическая система ещё не признали, что есть более высокие уровни заботы, выше, чем они сами, а именно — жёлтые принципы естественного проектирования.

Об этом мы и пытаемся говорить, и у нас есть хорошие причины считать, что ребята поколения Y поймут это. Потому что они не настолько поглощены нашим старинным нонсенсом в той мере, в какой мы сами. Но им нужно открывать доступ к информации об этом. Именно поэтому нам на пользу, тем из нас, кто был благословен и удачлив достаточно, чтобы читать труды Кена Уилбера и других, попасть под влияние целого интегрального движения, тот бесценный дар, вручённый нам в подарок. Но нам нужно выработать серьёзное отношение к нему, перестать играть с ним в игрушки, научиться стольким вещам, скольким можем, настолько быстро, насколько можем, и перейти к фазам действия. Именно так, на мой взгляд, мы можем начать расширять взгляды — путём действительного решения проблем, проникновения в сердцевину вопросов с точки зрения того, что нужно сделать.

Знаете, я довольно оптимистичный человек, а если вы поживёте в Далласе достаточно долго, — Берт, ты знаешь, что это так, — благодаря всей этой философии «сделать можно всё». Так что я всегда имею положительный настрой, и я знаю, что есть серьёзные проблемы, знаю, что многие «выходят за рамки приличия», но у меня также есть уверенность в самой человеческой природе. Тот факт, что мы всё ещё здесь, вопреки всем «львам, тиграм и медведям… о Господи, спаси и сохрани нас от них». Мы проходили через голода и воины, эпидемии и четырёх всадников апокалипсиса — через всё это, вновь, вновь и вновь. Но, похоже, мы приземлились на ноги, ведь есть загадочная способность, заложенная в нашей генетике и меметике, решать проблемы. И, если мы перестанем этим заниматься, именно тогда мы слетим с катушек.

Так что я не наивен: я выступал в роли самонаводящейся боеголовки в некоторых из опаснейших мест на планете, чтобы в поле проверить концепцию, и я многое повидал. Есть многое, что я не понимаю и не видел, но я советую всем в интегральном движении поднять свои глаза и начать думать о том, как решать существующие проблемы. Я считаю, что мы поразимся тому, сколько всего мы можем сделать.

Берт: Когда мы думаем об этом судьбоносном скачке вперёд, сдвиге, который должен произойти для нас, чтобы мы разотождествились от своей национальной ориентации, к примеру: произойдёт колоссальный сдвиг в нашем эволюционном разворачивании, в котором поколение Y, вероятно, сможет поэкспериментировать с проведением этих трансформирующих изменений в жизнь… из бытования (как в моём случае) канадцами, американцами (как в твоём случае), а также представителями других стран, какой бы ни была их национальная ориентация, в становление всемирными гражданами.

Будет происходить разотождествление до какой-то степени (разумеется, с сохранением сущностных и важных элементов различных степеней локальности — муниципальных, региональных, национальных и так далее) и переход в это глобальное понимание себя как людей, — возможен ли, по-твоему, такой экспоненциальный сдвиг? Что должно произойти, чтобы люди в более прогрессивных, передовых областях возглавили эту стратифицированную демократию, а в других более возникающих областях — какие коды им нужно будет по-настоящему освоить?

Дон: Один ответ состоит в том, как именно племена становятся нацией? Я наблюдал за подобной работой в Южной Африке очень долго, когда их многочисленные племенные системы начали смещаться к южноафриканской идентичности. Как это происходит? Это происходит в наших многоплеменных мирах, подобно Германии — если поговорить с людьми в Баварии, те убеждены, что они более германцы, чем кто-либо другой. Это означает, что культуры имеют в них множество уровней.

Мои друзья в «Memnosyne Foundation» специализировались на работе с американскими индейцами и в Мексике, потому что они обнаруживают в том, что некоторые считают примитивными системами, откровения, которые значимы для шестого [зелёного] уровня; что опыт выживания второго [пурпурным] уровня имеет очень сильное послание и модель для системы шестого уровня. Они выполнили экстраординарную работу по выявлению в коренных народностях те черты, которые значимы и поныне.

Именно поэтому подзаголовок этой беседы — «Активация всей спирали». Именно поэтому важно, чтобы мы не нападали на национализм сам по себе, ведь национализм предоставляет тяжеловесной красной системе дисциплину и отождествление с чем-то, что выходит за пределы личности. Так что вместо того, чтобы критиковать более ранние системы, которые, как нам кажется, мы уже оставили позади, даже когда мы машем олимпийским флагом в Лондоне, нам нужно понять, что всё это существенно важные элементы для нашего текущего опыта.

Так что не надо говорить населению: «вы вообще не должны быть националистичны». По мере того, как они продвигаются через эту синюю область, национализм является одним из проявлений, подобно религии, подобно науке. Возникает целенаправленная синяя система — пожертвуй собой сейчас, чтобы получить блага позднее, — которой не нужно становиться национализмом. Ей не нужно становиться религией. Она может быть совершенно различными вещами. Но нужно быть осторожными, чтобы не нарушать базовые принципы многообразия [эволюционной] спирали, которая требует, чтобы все системы были здоровы.

Мы не просто переходим от одного уровня к другому, а затем отбрасываем остальное. Мы превосходим, но включаем. Так что, в конечном счёте, жизненные условия потребуют сдвига к глобальному мироцентризму, поскольку мы открываем, что столь много наших проблем выходят за рамки национальных границ, — вот уж точно что касаемо вопросов защиты окружающей среды. Мы видим, что вновь Африке угрожает эпидемия вируса Эбола. Как говорил мне Говард Блум: «Дон, противостояние будет не между американцами и китайцами, а между людьми и микробами». По мере того, как всё больше проблем, таких как иммиграция, трансцендируют наши исторические границы, мы будем трудиться над тем, чтобы придти к моделям, которые способны совладать со сложными новообразованиями. Таков вызов, стоящий перед нами.

Именно потому я оптимистичен в отношении людей: у нас есть большой мозг. Именно поэтому Грейвз говорил о том, что человеческая природа готовится к судьбоносному скачку — не люди, а человеческая природа, то есть коды человеческой природы. И они вплетены в используемой мной модели в саму Спираль. Именно поэтому человеческая природа — уникальное сплетение пурпурного, красного, синего, оранжевого и зелёного, охватываемое комплексными кодами, оперирующими в жёлтом и бирюзовом. Именно всё вместе. А не только какой-то один уровень.

Возможно, поначалу наш трансформационный процесс не будет на национальном уровне, но он будет развиваться через города, как указывает наш друг Мэрилин Хэмилтон [в своей книге «Интегральный город»]. И, очевидно, это соответствует теории Ильи Пригожина, со всей идеей диссипативных структур: нам нужно разломаться на куски прежде, чем мы можем переоформиться в новой парадигме. Так что можно думать в меньших масштабах, выстраивать процессы на уровне сообществ, даже на уровне бизнеса и других. Понимание этих вещей в конечном счёте найдёт путь к консенсусу.

Вновь я хотел бы воздать должное своему позднему другу Клэру Грейвзу за данное им экстраординарное описание процесса изменения — восьми вариаций изменений со всей этой идеей изменяющихся состояний, понимания, что они нередко затрагивают серьёзные проблемы бытия. Но есть и много боли, что приведёт к тому, что мы откажемся от дисфункциональных систем. Именно поэтому он втихаря мне говорил о том, что предстоит: быть может, нам предстоит пройти через процесс сокращения населения. Быть может, слишком много людей живёт на планете. Ведь недостаточно ресурсов или редких металлов, чтобы создавать все сотовые телефоны и телевизоры, которые захотят получить себе все семь миллиардов людей.

Так что есть естественные пределы росту. Но одновременно с этим мы должны быть достаточно мудры, чтобы умело проводить новые понимания, избегать столкновений, подобных наблюдавшимся в 1860-м, когда две стороны стали друг против друга и начали священную войну с именем Божиим на устах.

Так что нам многому предстоит научиться относительно управления этими видами динамики в культуре, даже здесь, в Техасе. Или когда Северная Корея или Иран получат доступ к атомному оружию или ужасным типам заболеваний [биологическому оружию массового поражения]. Без наличия основания в виде чувства вины [синий], с идеологиями, которые предвосхищают апокалипсис, дела становятся по-настоящему опасны для нас. И мы просто не можем с этим играть в игрушки.

Это значит, что если мы хотим выжить на планете, учитывая тот факт, что есть оружие массового поражения, есть токсины, которые будут вмешиваться в человеческую природу… это насущный вопрос, это слон в гостиной. У меня нет простых ответов на эти вопросы. Я не хочу, чтобы у вас создавалось впечатление, мол, я всё уже уяснил. Ведь если на самом деле начать созерцать серьёзность нашей текущей ситуации, это приводит к смиренности и, к несчастью, возникновению большего количества страхов, чем нам нужно.

Опять-таки, если следовать всему мышлению Грейвза: человеческая природа имеет необычайную способность творить новые типы миров. Сдвиг парадигмы происходит только тогда, когда новое мышление имеет большую объясняющую силу. Именно поэтому нельзя его продавать на рынке, нельзя насильно запихнуть в горло человеку. Не имеет значения, насколько умела ваша презентация. Только тогда, когда она отвечает на больше вопросов, разрешает больше парадоксов. Только тогда мы начинаем наблюдать сдвиги.

Поэтому нам нужно очень осторожно вести беседу об этом, — чтобы не исключать группы только потому, что они не на таких быстрых конях, как те, на которых мы скачем. И это часть нашей системы элиты. Ведь характеристикой седьмого кода — жёлтого — является смиренность, осознание, что мы очень и очень ограничены, но всё же при этом достаточно круты, чтобы справляться с проблемами. И это пронизывает личностную динамику седьмого кода. Столь многие, как я пытался предостеречь их, не считают, что им нужно пройти через жёлтый «системный» уровень. Они считают, что могут перейти от зелёного к бирюзовому. Но это опасная ловушка, я видел, как многие в неё попадались. И моя теория состоит в том, что мы когда-нибудь проснёмся и скажем себе: «О господи, что же мы натворили?» Как в сцене из фильма «Мост через реку Квай», когда британский генерал наконец-то сказал, глядя в небеса: «Что же я натворил?» Это вполне может и с нами произойти. За исключением этого, у меня нет каких-то особенно жёстких мнений.

Берт: С точки зрения объяснительной силы, ты вновь указал на ряд различных измерений того, чем наше более развитое спирально-интегральное мышление хочет и должно быть, когда ты описываешь себя как оптимиста. Я считаю, если взглянуть на эволюцию жизни на планете, особенно этот удивительный эксперимент с человеческим видом, нетрудно быть оптимистичными. Ты упомянул о нашем опыте различных проявлений четырёх всадников апокалипсиса. Ты упомянул о варварах, стучащих в наши ворота. Всем этим силам противодействовали другие более развитые силы, которые являются опытом и олицетворением блага, истины и красоты в мире. Трудно не воспринимать современный мир… даже при условии множества проблем и вызовов, с которыми мы столкнулись… нетрудно утверждать, что мы не живём в условиях доступности больших истины, блага и прекрасного… если позволишь, большего счастья. Сложно поспорить с понижением уровней бедности и насилия.

Я считаю, что мы, будучи интегральными мыслителями, иногда уязвимы для следующего: чем более мы сонастраиваемся с силами, к которым мы хотим иметь отношения, в которых мы хотим участвовать, то иногда мы забываем, что четыре всадника всегда здесь в каком-то смысле. Но только потому, что они здесь, им не обязательно нужно быть здесь, даже хотя нам в дальнейших своих эволюционных эмерджентах нужно рекалиброваться разными интересными способами. Когда Клэр Грейвз говорил о условиях человеческого существования, у нас произошло более 25 видообразующих событий, в которых мы развились и вошли в новые проявления того, что значит быть человеком. Мы всегда преуспевали в этом, всегда нам приходилось проходить через огонь, воду и медные трубы в процессах изменения.

Нет никаких сомнений, что мы найдём свой путь через нависшие проблемы, если вообще можно опираться на историю в качестве доказательства и свидетельства. Есть столь много индикаторов, что с нами всё будет в порядке — но вместе с этим нам придётся пройти через драматическое напряжение. С точки зрения диссипативных структур, как говорил Пригожин, именно так нам нужно реорганизоваться на более крупномасштабные, более всеохватные способы мышления и бытия в мире.

Можешь ли ты прояснить вопрос, который возникает у многих людей, ведь спиральная динамика по праву стала, пожалуй, основной репрезентацией интегрального жаргона в мире. И иногда есть путаница относительно того, что есть первый, второй и третий порядок. Можешь ли ты пояснить свою точку зрения на это, чтобы люди могли услышать твоё мнение без посредников?

Дон: Я отметил уже то, с чем большинство людей знакомы: стадии домодерна, модерна и постмодерна. Когда дело доходит до [жёлтого] интегрального, последний не утверждает, что он обладает «следующей Истиной». Напротив, он показывает, как множество истин домодерна, модерна и постмодерна могут быть законно приняты. Так что он пытается справиться с потоком всего опыта вокруг современности. [Каждый из первопорядковых] кодов говорит: «Вот оно! Мы открыли финальную Истину». Жёлтый говорит: «Вы открыли ОДНУ ИЗ истин».

В терминах спиральной динамики я с Грейвзом часто обсуждал: что же создаёт второй порядок? Одна из характеристик, опять же, имеет отношение к тому, что происходит в нашей нейробиологии, как мы изучаем в исследовании в немецком городе Кёльне. Происходит следующее: нейрональные системы активируются давлением, жизненными условиями, которые позволяют человеку признать, что первые шесть систем в совокупности являются частью базового механизма выживания, происходящего от животных.

Но второй набор систем — видно, что происходит огромный разрыв, идентифицированный Грейвзом в исследовании: он не просто его придумал, он обнаружил людей, которые мыслили совершенно иначе — с гораздо большим бесстрашием. Они могли решать проблемы намного быстрее. Они могли быть жёсткими, когда надо, одновременно могли быть и мягкими, словно ягнята, если это было необходимо. У них, казалось, был другой мозг. Это означает, что они могут взглянуть на всю человеческую историю и увидеть, что и кланы, и племена, и империи, и священные ордена, и -измы — все они нужны. Ведь они решают проблемы на этих уровнях. Так что задачей становится не просто анонсирование следующей психологической теории, но объяснение, почему есть разные психологические теории, или теории управления, или теории образования, или религиозные системы. Ведь есть меметический парад систем, коль скоро жизненные условия становятся более комплексными.

И когда я выступаю и говорю на религиозном языке в некоторых церквях, я говорю об эпохе патриархов (пурпурно-красный), дающих закон на горе Синай (синий). И затем, когда приходит полнота времени, возникает оранжевый. Даже в Библии можно найти эти системы. Мы изучаем Коран и другие религиозные системы, чтобы увидеть, какие компоненты они закрепляют.

Так что второй порядок является, по сути, прозрением — пониманием течения истории и легитимности всех разных форм жизни, значимости выполнения действий по их оздоровлению, ведь их теневая сторона может быть приводить к катастрофе, как в случае, к примеру, с нацистской системой и системой безудержного [оранжевого] материализма, от которого мы пострадали недавно, а также ужасающих общественных табу.

Каждая система имеет свою тёмную и светлую стороны, а различие в том, что положительная сторона удовлетворяет нужды людей на этих уровнях и в то же время поддерживает открытость Спирали для дальнейшего развития, если и когда этот процесс естественным образом запущен. Но когда она имеет претензии на эксклюзивность: есть только одна истина, подкрепляемая верованиями в апокалиптическую философию, — тогда, когда имам возвращается в Ирак, они заявят, что им требуется атомное оружие для того, чтобы уничтожить всех неверных. Ну что ж, это же абсолютная чушь, и всё же они верят в это. Именно поэтому необходимо сканировать планету и замечать ранние признаки развития таких процессов. Более нельзя ждать. Наша толерантность может нас убить.

Именно поэтому мониторы витальных сигналов, над которыми работают люди, способные видеть паттерны, являются жизненно важной разработкой. В таком ключе мы работаем в Далласе с «Memnosyne Foundation», финансирующий проект по обеспечению такой возможности. Чтобы мы могли вычислять эти конкретные проявления кодов и выносить суждения о том, что же будет способствовать нуждам людей на этом уровне, как может продолжаться движение всей Спирали, по мере того, как мы превосходим и включаем, превосходим и предвосхищаем то, что будет далее.

Это должно быть представлено в ООН, и я пытался, когда была ещё доступна область Президио-парка в Сан-Франциско. Я обсуждал с несколькими хайтековскими профессионалами в Кремниевой долине необходимость профинансировать мой проект монитора мира и конфликта, который я вновь предлагаю. У меня был замечательный прогресс, пока в Кремниевой долине не случился кризис и финансирование не иссякло. Так что чем раньше мы начнём объяснять эти внутренние системы, которые движут историей, с новыми моделями понимания, как меняются системы, интегрированные в единой упаковке, и начнём экспериментировать с этим, применять, показывать, как всё это может позволить нашему виду защитить человеческую природу, пока она естественно возникает в ходе истории. Такова моя точка зрения, надеюсь другие заинтересуются. Как вам известно, мы будем проводить конференцию в сентябре в Далласе, посвящённую «судьбоносному скачку».

Берт: Меня очень тронул твой комментарий, когда ты сказал, что наша толерантность может нас убить. В контексте мониторов витальных признаков, мы отслеживаем потенциальные угрозы различным вещам во взаимосвязанных экосистемах. А мир, ООН обращает внимание… я недавно только заметил, что в Генеральной ассамблее ООН текущий генеральный секретарь, кореец, говорил, что Совет безопасности не выполняет свою работу по тому, что ему нужно выполнить, чтобы проверить наличие вселяющего ужас ядерного вооружения в Иране. Большинство из нас, конечно же, миролюбивые ребята. Мы хотели бы, чтобы эта проблема решалась мирным путём через мирное посредничество. Какова ответственность перед человеческими жизненными условиями, чтобы затрагивать эти вещи, когда кажется, что один из более ранних кодов начинает пользоваться ситуацией и принимает доброту и примирение за слабость? Как, по-твоему, разворачиваются эти вещи? Несколько последних лет были удивительные события на Ближнем Востоке, не только по ту сторону Ирака, но и с возникновением новых систем, пытающихся пробиться в Северной Африке, со всеми этими освободительными движениями, когда мы наблюдали, как делался «один шаг вперёд, два шага назад». Но Иран, определённо, в фокусе всеобщего внимания. Многие люди чувствую, будто они не собираются создавать оружие, а если и собираются, то, конечно же, не используют. А если мы вмешаемся, может быть хуже. С точки зрения Спирали, есть ли у тебя какое-то мнение по Ближнему Востоку вообще и Ирану в частности?

Дон: Иранцы являются персами. Персы изобрели некоторые из наших удивительных игр. Они очень хороши в том, чтобы делать ходы и маскировать их. Не говорить правду, ведь их богословие разрешает лгать. Десять лет назад во мне начала расти тревога, что мы слишком оказываемся захвачены надеждой о мире и стратегией переговоров. Так, пока мы играли в шашки, Иран играл в шахматы. Они обошли нас. Тогда мы нашли, что мы находимся в очень серьёзной проблеме. Я ненавижу, что должен сказать, но подходит время, когда нужно действовать.

Я не хочу новой войны, но что если бы в Африке случилась эпидемия вируса Эбола, который бы мутировал и стал передаваться воздушно-капельным путём, попал бы на самолёт, который бы приземлился в Нью-Йорке или Далласе, люди бы сошли на землю, не зная, что они распространяют вирус Эбола, вызывающий лихорадку и почти мгновенную смерть? Что если бы мы знали, что это будет происходить в поселении в Африке или поселении в западном Техасе? Что бы мы сделали? Были бы мы толерантны, сказали бы: «Давайте дадим им время, чтобы найти лекарство»? В какой момент мы должны были бы принять решение? Для меня здесь речь идёт о том же самом.

Как тебе известно, Эльза Маалоуф и я много поработали в Израиле и Палестине, мы даже провели саммит по будущему Палестины, который собрал 700 палестинских лидеров, разработавших целую стратегию по урегулированию отношений Израиля и Палестины, основывавшуюся на системах ценностей. Мы увидели огромный потенциал в проекте, названном нами «Гонконгом Ближнего Востока», который мог бы подменить переговоры, которые, по нашему мнению, становятся очень примитивной системой с выигравшим и проигравшим. А поиски технологии, в которой все стороны оказывались бы в выигрыше, происходит через проектирование. Так что мы попросили израильтян и палестинцев, участвовавших в проектной конференции, рассказать, какой вклад они могли бы сделать в создание «Гонконга Ближнего Востока»? Выстроить вышестоящую цель.

То, что сегодня наиболее приоритетно: честность по поводу угроз и реальности, что должно распространяться и на Россию и Китай. Новая группа специалистов по коммуникации по всему миру выражает этот взгляд, и у меня есть ряд друзей, которые сегодня работают в России и предпринимают попытки предложить русским, каков может быть их путь.

Придёт время, как все прекрасно знают, когда Израилем, который, помня о холокосте, ни за что не позволит, чтобы его кто-либо контролировал. Израиль будет предпринимать шаги. Когда и зачем, не знаю. Это будет катастрофой. Иногда именно так природе приходится очищаться от дисфункциональных, токсичных элементов, угрожающих человеческой природе.

Не хотел бы я быть там, когда произойдёт этот взрыв, и я печалюсь о том, сколько жизней будет потеряно, как это может привести к заражению, которое распространится по всей планете из-за человеческой глупости. Достаточно вины можно ощущать по этому поводу. Разумеется, [что касается атомных амбиций Ирана], я удвоил бы санкции, сделал бы их невыносимыми, как вариант. У нас уже есть три группы авианосцев в Персидском заливе. Они вооружены такими технологиями и смертоносным вооружением, о существовании которых нам ещё неизвестно. Если мы будем слишком мягкосердечны с Ираном, то он перестанет существовать.

Всё это насущные реалии для нас. Мне кажется, очень важно, что западный мир в частности представляет собой системы ценностей, присущие цивилизациям, которые продолжают возникать. Нужно продолжать этот процесс. Именно поэтому важны наши отношения с англичанами, британцами, с западными цивилизациями. Потому что они составляют коды, которые обеспечили определённый уровень социального богатства, здравоохранение, путешествия на Луну и всё подобное, что стало огромным шагом вперёд для цивилизации. Я надеюсь, что теперь, благодаря необходимости включать множество других перспектив, мы не станем вновь эгоистичными и колониальными, — за этим тоже стоит проследить. Итак, усилия по перераспределению благ исходят из жёлтой системы, а не зелёной.

Всё это возможно сегодня; мы на пороге важнейших открытий. Просто они не вросли в наши политические слои. В какой-то момент кто-нибудь сделает шаг вперёд, нередко этими кем-то будут женщины, обладающие уникальными психическими и нейрофизиологическими особенностями. Внутри нашего репертуара, нашей нейробиологии, нашей психоистории вшиты коды, чтобы решать кризисы, в которых мы сейчас себя обнаруживаем. Сможем ли мы их активировать… или регрессируем в очередное Средневековье… это тоже возможно. В человеческом существовании нет ничего гарантированного. Два дня назад об этом сказал Дипак Чопра. Он сказал: разве невозможно людям существовать на планете? Неужели мы столь токсичны, что планете нужно продолжить без нас? Никогда не слышал, чтобы Дипак говорил нечто подобное. Или: есть ли «гений в чудовище», как говорит наш друг Говард Блум. Всё возможно.

Берт: Ты только что сказал, что катастрофа есть то, посредством чего природа очищается от дисфункции, мол, есть и такой интеллект. Говард Блум тоже говорит об этом. И Дипак это упоминал. Мне вспомнилась цитата из «Иллюзий, или приключений Мессии, который Мессией быть не хотел» Ричарда Баха: «Печатью нашего невежества является то, насколько мы верим в трагедию и несправедливость. То, что гусеница зовёт концом света, хозяин называет бабочкой». Могу себе представить мастер-код, понимающий эти более глубокие структуры.

Дон: Замечательная цитата, Берт. Я только хочу сказать, что мы должны поблагодарить звёзды за то, что мы живём сегодня. Ведь мы первое поколение, которое способно выправить всю человеческую историю, ведь все системы ценностей и способы выражения воскресли в реальном времени, их можно встретить на улицах. Словно бы мы путешествуем назад в будущее, а также вперёд в прошлое — в рамках одного поколения. Вот и мы, вот плодотворное время, кульминация, которая должна разобраться со всеми проблемами, возникшими в нашей истории. И таким убедительным, драматичным и заботливым способом, который может поддержать развитие цивилизации. Ключевые элементы, нужные для того, чтобы её существование продолжилось.

Должен сказать, что те из нас, кому посчастливилось работать с Кеном и другими, унаследовали огромное сокровище. Наша задача — продолжать, превосходить, украшать, изучать, документировать, количественно исследовать его. Такова наша работа.

Вопросы и ответы

Эрик: Д-р Бек, я слышал, что вы говорили сегодня о возникновении более высокого уровня заботы. Иногда, если я правильно услышал, вы говорили о том, что дело не в том, «что же мы хотим сделать», а в том: «что нужно сделать?». Меня привлекает эта открытость миру, я хотел бы это закрепить в интегральном сообществе, как я его вижу. Я слышал, что вы критиковали интегральное сообщество по ряду пунктов: мол, иногда то, что мы вообразили интегральными проявлениями, есть на самом деле скорее зелёное постмодернистское проявление, имеющее свой постмодернистский нарциссический привкус. Мы слышим таких, как выступивший здесь одним из первых Эндрю Коэн, он тоже на это указывает.

Я услышал, что вы призываете нас к новому способу вхождения в иную разновидность духовности, которая может заключаться не просто в нашей внутренней направленности на медитативные состояния сознания, но на чём-то, что участвует в мире новым способом, что готово охватить эти измерения: когда нужно, нужно быть жёстким, выйти за пределы нашей устаревшей постмодерновой чувствительности, сосредоточенной лишь на любви, свете и умиротворении и т. д., что нам может ещё серьёзно аукнуться. Я просто ценю, что вы указываете на это своими ремарками.

Я хотел бы, чтобы вы подробнее описали переход между зелёным и жёлтым. Каковы последствия для нашего более широкого интегрального сообщества и какие у нас могут быть сильные стороны? Какие из некоторых дисфункций и теней, которые мы, будучи интегральным сообществом, интересующимся духовностью, можем в себе разрешить, например сфокусированы на том, что на самом деле не отвечает запросам мира в настоящий исторический период. Что же мы можем в себе развивать — по-настоящему выходить в мир и эволюционировать там, где требуется, — чтобы встретить мир во всём его неглиже в настоящее время? Спасибо.

Дон: Спасибо, Эрик. Я размышлял об этом очень долго, примерно 35 лет. Если бы я говорил так, как говорю сейчас, когда я впервые познакомился с Кеном, Бертом или любым из вас, это вряд ли было бы осмысленно. Так что мне пришлось осторожно раскрывать то, во что я по-настоящему верю, чему я научился у Клэра Грейвза… по мере того, как люди, вроде вас и других, начинают понимать множество положительных сторон зелёного были добавлены в уравнение, желательны и существенны для шестой [зелёной] стадии. Таков, на самом деле, парадокс.

Как же нам, с одной стороны, сказать зелёному или оранжевому: «ваша система элегантна, но она только лишь кусочек»? Кто-нибудь тогда скажет: «Нет, это целое… нет, это прекрасная система». И Клэр Грейвз испытывал ту же проблему, когда он проводил исследование при помощи различных психологических теорий. Некоторые из его коллег в Юнион-колледже говорили: «Нет, Грейвз, правильно бихевиоризм».

Грейвз отвечал: «Бихевиористские принципы работают на пятом уровне. Но не на шестом». Он встречал сторонников более ранних систем, потому что они козыряли своими диссертациями и множеством аспирантов по всему миру, которых они обучали и научили Истине. А теперь им нужно сказать: «То, чему я вас научил, только лишь часть». Именно поэтому столь много трудностей в так называемом «высшем образовании».

Ключевым аспектом является понимание, что человеческая природа — это непрерывное путешествие. Непрерывное путешествие. Ведь когда мы решаем один набор человеческих проблем, мы создаём вместо них новый набор. Почему? Я не могу дать полный ответ на этот вопрос, но я спрашивал об этом Клэра. Он ответил: «Потому что, нравится то или нет, у нас большой мозг». Потому что мы не терпим скуку. Но иногда мы становимся непослушными людьми, желающими забраться на гору Эверест, полететь на Марс, открыть новую вакцину от ВИЧ, сделать что угодно. Именно это, в каком-то смысле, сохраняет нам жизнь. «Это запрограммировано в нашей генетике», — говорил мне Грейвз. Так что, конечно, зелёный, как оранжевый, как синий, как, в некотором смысле, жёлтый, будет идти своим путём. Почему? Потому что он будет решать проблемы, которые более ранние системы в своей совокупности создали; это оставит в свою очередь и свой мусор; по мере решения старых проблем, будут созданы новые. И тогда приходит то, что мы называем бирюзовым.

Так что я припоминаю первый раз, когда мы по-настоящему начали выходить из зелёного. Берт, было это в Ванкувере, мне кажется, ты был там. Когда Мэрилин и я вели там воркшоп. Многие негосударственные структуры потеряли финансирование, помнишь? Из-за сокращения в правительстве; люди были в состоянии паники. Многие регрессировали до оранжевого и научились заказывать скрепки. И мы видели многих, кто впервые — боже правый. в самом Ванкувере! — спрашивал: «Что такое эта жёлтая система?» И благодаря влиянию Мэрилин и других канадцев это продолжилось.

Итак, опять же: что вызывает сдвиг парадигмы? В данном случае сдвиг от эксклюзивного зелёного к исследованию жёлтого, когда жёлтый код имеет большую объясняющую силу, нежели зелёный. Зелёный никогда не пустует, ведь есть люди, переходящие от оранжевого в зелёный. Это не антизелёная позиция. Это перевооружение и переопределение зелёного кода, чтобы принимать новых людей, входящих в него. Подобно тому, как жёлтый будет определять здоровую синюю систему. Ведь синий, сам по себе, произведёт изолированную идеологию — конечное государство. Но жёлтый — функциональный — сконструирует синюю систему, которая будет служить проводником, через который сознание людей будет покидать пурпурный/красный и двигаться в направлении оранжевого/зелёного. Таковы различия. И однажды я могу показать это зелёному, сказать: «Хотите спасти человечество? Позвольте мне показать вам, как… удесятерить эффективность того, что вы делаете». И это наивысший уровень заботы. Имеющиеся данные говорят, что дело обстоит именно так. И возможности столь привлекательны в стремлении к этой цели.

В течение многих лет я работал в Нидерландах с Питером Мерри и его группой, — они основной пример подобного перехода. Теперь Питер является сотрудником и преподавателем Университета Виздом. А Университет Виздом скоро сольётся с другой глобальной системой, частично финансируемой «Memnosyne Foundation». Можно наблюдать, как всё это соединяется.

Берт: Мне очень нравится, как ты это формулируешь, Дон. То, как жёлтый выстраивает проводники, обращаясь назад, и то, как можно апеллировать к чувствительности зелёного, как они могут осуществить более широкий охват, дать больше заботиться, как построить открытую и жизнеспособную синюю систему, чтобы создать контейнер для кодов, которые через неё проходят. Мне кажется, это будет чем-то, что определённо станет притягивающим аттрактором для зелёного, если мы сможем добавить ценность к сформулированному тобой, высказать всё убедительно. Это такой добросердечный код, который в нас встроен, чтобы мы больше заботились. И если мы можем найти способ убедительно всё сформулировать… найти способ реабилитировать, оживить, регенерировать открытые системы более ранних кодов. Таков, вероятно, вызов, стоящий перед нами.

Алиа: Я только что поняла, что после того, как я наткнулась на книгу «Спиральная динамика» пять лет назад, моя жизнь полностью изменилась. Она стала доской для сёрфинга, а я теперь переплыла на другой пляж. И я просто хочу поблагодарить вас за тот мощный эффект, который она оказала на мою жизнь. И хочу задать странный вопрос.

Я слышала об этом понятии странных аттракторов. И я действительно понимаю, что жизненные условия есть то, что движет людьми через Спираль взросления. Интересно, работают ли ещё какие-то силы в этом… какие-то странные аттракторы, оперирующие в человечестве, чтобы помочь им как целому продвинуться через процесс взросления?

Дон: Да. И я поверхностно коснусь этого взгляда. Однако действительно, это нечто, о чём я много думал, всё из-за этих странных аттракторов. Они вплетены в человеческую природу, в коды наших типов, нашего вида. Они не просто влияют на людей, это биопсихосоциальные факторы, влияющие на архитектуру, религию, городское проектирование; они попросту являются кодами человеческого возникновения.

В то же время они не являются неким кальвинистским сценарием, предзаданным, подобно кругам на полях в человеческой душе. Они, скорее, являются адаптивными интеллектами. Ключом являются жизненные условия — то, что люди произвели по мере своего эмерджентного возникновения. Это свет проводящий всей Спирали, — но не какой-то, как я уже отметил, предзаданный паттерн, который равно возникает в любых условиях. Именно потому я и использую термин «мастер-код», ведь вы сеете эти семена, вводите эти интеллекты в биопсихосоциальную систему, — которая находится в ареале обитания, — и они произведут слегка отличающиеся вариации из-за биологии, популяционной генетики в этих условиях, жизненных форм, погодных условий, природы питания, всевозможных факторов.

В этих уникальных садах возникновение всей Спирали не будет в точности одинаково. Оно, вероятно, будет иметь некие ключевые компоненты, такие как индивидуальное/коллективное. Именно поэтому я предостерегаю людей от приверженности какой-то «мы»-системе, если эта «мы»-система не содержит всех вертикальных кодов спиральной динамики. Именно поэтому в трудах Грейвза вот то, что движет Спиралью, маятник: есть «мы»-системы, производящие конформность и подобие; они неожиданно взрываются новой «я»-системой, которая решает проблемы «мы»-системы. Так что «мы» и «я» не полярные противоположности, а синергетически единые близнецы, две стороны одной медали.

Так что же движет коллективом? Гений подобный тому, что есть у Говарда Блума. Я отвечаю: этот человек гениален. Если убрать Говарда, и исторически есть люди, которые жаждут так поступать… нужно тут быть осторожными.

Берт: Спасибо, Дон. В контексте того, как возникает жёлтое мышление, мне известно, что у тебя есть много опыта, и слушателям может быть интересно услышать немного об эксперименте в Исландии. Там происходит что-то удивительное. Это может быть прекрасной иллюстрацией в конкретных терминах о том, как этот жёлтый код желает и пытается возникнуть там. Можешь ли ты что-то сказать по этому поводу?

Дон: Конечно. Мне нужно отдать все лавры Бьярни Йонссону, моему аспиранту, который защитил свою диссертацию в Высшей школе Адизеса. И у него есть своя группа, называемая им «муравейником». До финансового кризиса мы провели мониторинг глобальных ценностей [по сути, опрос], потому что у него была франшиза «Gallup». Так что мы опросили исландское общество с т. з. меметики в нашем тестировании. 300000, то есть большинство исландцев, исследовали свой геном, так что теперь они хотели изучить «мемом». Мы увидели быстрый рост красного и оранжевого. Мы сказали: «Ой!» Бьярни даже беседовал с премьер-министром на эту тему. Ведь (в основном) мужчины в этот период были за рубежом, зарабатывали деньги, не заботились о своей культуре. Требовалось привозить поляков, чтобы те работали в госпиталях. Всеми ими двигала эгоцентрическая мотивация на заработок денег. И когда случился кризис, мы провели второй опрос, а затем и третий. Так получилось зафиксировать исландское общество в стадиях конфликта. Основываясь на этом исследовании Бьярни и его коллеги спроектировали Национальную ассамблею — перекрёстную выборку исландцев, выбранных случайным образом — 1500 человек. Они встретились и их задача была описать сущностные системы ценностей, необходимые Исландии. И за этим последовала вторая встреча, которая рассматривала систему управления Исландией. Он использовал процесс краудсорсинга с применением спиральной динамики в качестве исследовательского инструмента для того, чтобы помочь целой культуре восстановиться после кризиса. Помочь ей переопределить себя, что всё равно бы произошло, и использовать преимущество кризиса, чтобы сделать возможным исследование на тему «какой должна быть Исландия?» Это породило примерно 50–60 версий Национальной ассамблеи: в школах, общинных центрах, по всей Исландии. И всё это сделал один человек — Бьярни Йонссон. Он очень скромный, мягкий человек. Я его сильно люблю.

Он показал, что возможно, когда страсть и паника объединяются. Он подготовился к тому, чтобы работать с ситуацией позитивным образом. Он настоящий посланник нашего дела. И есть ряд людей, занимающихся сходным. Член особого подразделения армии США, только недавно вернувшийся из Афганистана, использует точку зрения спиральной динамики, чтобы понять участников «Талибан», работающих в общинах. Так что по всей планете есть люди, которые начинают получать практические результаты, — и, знаете, я воздаю должное заслугам Клэра Грейвза в этом. Он был замечательным человеком. (Мне его не хватает, как хотелось бы, чтобы он был сейчас с нами.) Так что такие открываются возможности. Всё не безупречно, всё сложно. Это не панацея. Есть много в этих

процессах, что я не понимаю, хотя я занимался этим 35 лет. Я продолжаю удивляться.

Дон Бек

Дон Бек (Don Beck), PhD, международно известный специалист, занимающийся разработкой и применением модели спиральной динамики. Он является соучредителем Центра национальных ценностей в Дентоне, штат Техас, генеральным директором «Spiral Dynamics Group, Inc.», соавтором (вместе с Кристофером Кованом) книги «Спиральная динамика: Управляя ценностями, лидерством и изменениями» (1996). В качестве консультанта д-р Бек работал по всему миру с политичекими и общественными лидерами, фокусируясь на развитии многомерной модели понимания процессов трансформации человеческих ценностей и культур. Он особенно известен благодаря своему вкладу в мирный переход от апартеида к демократии в ЮАР, что описывается им в книге «Горнило: Выковывая будущее Южной Африки» («The Crucible: Forging South Africa's Future», 1991), написанной в соавторстве с Грэмом Линскоттом. До начала работы консультантом в течение 20 лет Бек занимал профессорскую должность в Университете Северного Техаса. Там он получил звание «блестящий профессор» в 1978, а в 1979 — звание почётного профессора, а в 1980 попал во всеамериканский список «блестящих педагогов».

Берт Парли

Д-р Берт Парли (Bert Parlee) явояется старшим консультантом, исполнительным коучем и управленческим консультантом в компании «Integral Development Associates». Он лицензированный клинический психолог, имеющий частную практику и проводящий лайф-коучинговые сессии в Милл Уэлли, штат Калифорния. Берт работает вице-президентом и главой персонала в колорадском Интегральном институте Кена Уилбера, где он также работает в качестве тренера и фасилитатора больших групп. Он был соведущим и фасилитатором семинаров по спиральной динамике вместе с д-ром Доном Беком. Он также работает исполнительным коучем в Институте лидерства Стаген в Далласе, а также соведущим семинаров «The Empowerment Dynamic» вместе с основателем TED Дэвидом Эмеральдом.